

Цзян Янь улыбался.

С того самого момента, как Сюй Ци пришел в себя, улыбка не сходила с его лица: брови приподняты, уголки губ изогнуты – сама безмятежность и терпение. Он положил ладонь на спину Сюй Ци. Свежие раны на руке еще кровоточили, разрезанная плоть посылала в мозг сигналы боли, но Цзян Янь считал, что это не так уж и больно, поэтому продолжал улыбаться. Руки Сюй Ци обвивали его талию, лицо было спрятано у него на груди, а горячие слезы обжигали кожу, стекая к самому сердцу. Он впервые получил от Сюй Ци это сокровище, поэтому улыбался.

Это было несправедливо по отношению к Сюй Ци: один плачет, а другой радуется? Но Цзян Янь не мог с собой совладать.

Он украдкой сжал объятия сильнее, жадно впитывая вес его тела, его тепло, ощущая щекоотку волос на своем лице, прикосновение кожи к коже и этот редкий плач.

Сюй Ци плакал очень сдержанно. Его тело сотрясала дрожь, он изо всех сил старался проглотить рыдания, будто сами звуки плача были для него чем-то постыдным. К концу остались лишь прерывистые, тихие всхлипы, хотя слезы, напротив, хлынули еще обильнее, насквозь промочив грудь Цзян Яня.

Цзян Янь ничего не говорил и ничего не предпринимал. Постепенно боль в руке притупилась, кровь в ранах начала подсыхать. Этого времени – ни долгого, ни короткого – хватило, чтобы тело начало восстанавливаться, а разум взял верх над эмоциями.

Нужно было заняться делом, и Сюй Ци наконец заставил себя перестать дрожать. Он сделал два глубоких вдоха, отстранился от Цзян Яня и, сев прямо, спросил:

— Где аптечка?

Голос его охрип и дрожал, лицо было в пятнах от слез, а глаза, давно не плакавшие, покраснели. На губе виднелся след от зубов – так сильно он сдерживал рыдания.

Цзян Янь внимательно посмотрел на него и ответил:

— В гостиной, в тумбе под телевизором.

Выйдя за дверь, Сюй Ци осознал, что это та самая квартира, в которой он бывал много раз. Даже маленький золотистый ретривер был здесь: он спал в своей лежанке, прижав длинные уши, словно мир вокруг него был полон покоя и гармонии.

Сюй Ци почувствовал в происходящем налет абсурда, нереальности, но все же поставил обработку ран на первое место. Быстро найдя аптечку, он вернулся в комнату. Цзян Янь сидел на краю кровати и смотрел на него. Сюй Ци постоял пару секунд, затем молча сел рядом и достал спирт, мазь и ватные шарики.

Первым заговорил Цзян Янь. Сюй Ци как раз начал дезинфицировать рану; спирт щипал, и любому другому было бы больно, но Цзян Янь словно ничего не чувствовал. Здоровой рукой он взял телефон, протянул его Сюй Ци и вежливо спросил:

— Хочешь вызвать полицию?

Сюй Ци прикрыл глаза:

— Какую еще полицию.

— Незаконное лишение свободы, ограничение свободы личности.

Сюй Ци потребовалось несколько секунд, чтобы подавить желание ударить его кулаком.

— Перестань паясничать, — сказал он.

Цзян Янь послушно убрал телефон и извинился:

— Прости. — А затем добавил:

— Если я отпущу тебя, ты не будешь блокировать меня в чатах?

Рука Сюй Ци непроизвольно дрогнула. Он уже предвидел такой исход, но все равно, не отрывая взгляда от жуткого пореза, спросил:

— А если заблокирую?

— Я больше ничего не смогу сделать. Пленение не изменит твоего решения, — ответил Цзян Янь. — Мне останется только, как и раньше, выплескивать злость на самого себя.

По сути, это была угроза. Сюй Ци ненавидел угрозы, но цена, которую Цзян Янь готов был заплатить – кровь и боль, – казалась ему слишком высокой.

Оно того не стоило. Человек, ради которого Цзян Янь готов был калечить себя, совершенно этого не заслуживал.

Его самоконтроль дал сбой, и подавленные чувства вновь вскипели. Сюй Ци спросил:

— Почему именно я?

— Потому что ты мне нужен.

— Почему я тебе нужен? — Сюй Ци опустил голову. — Потому что я помог тебе когда-то? Потому что тот Сюй Ци подарил тебе надежду?

Ему стало трудно дышать, будто чья-то невидимая рука сжала горло. Ощущение нелепости происходящего росло с каждой секундой, грозя разорвать его на части. Не дожидаясь ответа, он продолжил, словно разговаривая сам с собой:

— Но того меня больше не существует.

Цзян Янь произнес:

— Для меня ты – это ты...

При этих словах Сюй Ци словно услышал нечто невыносимое. Лицо его перекошилось, он с силой отшвырнул аптечные принадлежности и резко вскочил. Он закусил губу; его эмоции, подожженные фитилем, в один миг сдетонировали.

— Все давно изменилось! — Выкрикнул он, теряя контроль. — Знаешь, почему я не хочу тебя принимать? Потому что я больше не тот человек, которого ты любил!

Слова, долго таившиеся в глубине души, вырвались наружу, и их было уже не остановить.

Он едва ли не с яростью смотрел на Цзян Яня:

— Я знаю, за что ты меня любил. Тебе нравилось, что передо мной не было преград. Тебе нравился тот, кто решал все твои проблемы и указывал путь. Я и сам любил того себя, но он давно мертв! Тот, кто стоит перед тобой сейчас, – просто никчемный мусор!

Он тяжело дышал, его грудь ходила ходуном. Все, что он никогда не решался сказать, застряло в горле, наперебой просясь наружу.

Тот, по кому так тосковал Цзян Янь, был лишь слабаком, который сбежал, не в силах смотреть в глаза реальности. Тот, ради кого Цзян Янь калечил себя, был лишь пустой, ни на что не годной оболочкой...

Цзян Янь любил призрака, и как теперь Сюй Ци жить с ним, нося эту фальшивую маску?

Но Цзян Янь просто сидел перед ним и молча слушал.

— Ты ошибаешься, Сюй Ци, — Цзян Янь поднял на него взгляд.

— Я навел справки. Я знаю, что с тобой произошло, — сказал он. — Я не упоминал об этом только потому, что мне все равно.

<http://bllate.org/book/18222/1745595>